

ТАНЯ, ДОМОЙ!

НАТАЛЬЯ ГАБОВСКАЯ
ОЛЬГА САФОНОВА

Наталья Габовская Ольга Сафонова Таня, домой!

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65081771

Таня, домой!: Книжное издательство Бабицкого; М.; 2021

ISBN 978-5-907403-15-4

Аннотация

Книга «Таня, домой!» похожа на серию короткометражных фильмов, возвращающих в детство. В моменты, когда все мы были максимально искренними и светлыми, верили, надеялись, мечтали, радовались, удивлялись, совершали ошибки, огорчались, исправляли их, шли дальше. Шаг за шагом авторы распутывают клубок воспоминаний, которые оказали впоследствии важное влияние на этапы взросления. Почему мы заболеваем накануне праздников? Чем пахнет весна? Какую тайну хранит дубовый лист? Сюжеты, которые легли в основу рассказов, помогают по-новому взглянуть на события сегодняшних дней, осознать связь прошлого, настоящего и будущего.

Содержание

Предисловие	4
Дубовый лист	6
Бусы чешского стекла	11
Коржик	16
Нет мне моря	21
Таката	25
На морковку	29
Велосипед	34
Две девочки из электрички	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Сафонова, Наталья Габовская Таня, домой!

*Посвящается нашим родителям, которым так
непросто было растить нас в 90-е.*

Предисловие

Книга «Таня, домой!» похожа на серию короткометражных фильмов, возвращающих нас в детские ситуации, которые когда-то случались с каждым. В те моменты, когда мы были максимально искренними и светлыми, верили, надеялись, мечтали, радовались, удивлялись, совершали ошибки, огорчались, исправляли их, шли дальше. Шаг за шагом авторы распутывают клубок воспоминаний, которые оказали впоследствии важное влияние на этапы взросления. Почему мы заболеваем накануне праздников? Чем пахнет весна? Какую тайну хранит дубовый лист? Эти и другие темы, словно яркий калейдоскоп проносятся перед нашими глазами вместе с героями-детьми, их чувствами, мыслями и надеждами.

Книга написана легким и понятным языком. Ее можно прочитать за пару вечеров. Однако я вам советую не то-

ропиться, а немного растянуть процесс. Проанализировать собственные мысли, чувства и впечатления. Рефлексия в данном случае будет полезной и исцеляющей. Сюжеты, которые легли в основу рассказов, помогают по-новому взглянуть на события сегодняшних дней, осознать связь прошлого, настоящего и будущего. Вместе с героями мы заново переживаем отдельные моменты своей жизни, после чего приходит понимание, откуда растут корни наших взрослых проблем. Да, все мы родом из детства. Эта истина давно известна, и она не теряет своей актуальности. Осознание детских травм – это первый шаг к их решению. Авторы предлагают нам это сделать в увлекательной и безопасной форме, показывая, что за каждой взрослой проблемой стоит решение, принятое в детстве или происшествие, которое повлияло на восприятие мира и на взаимоотношение с ним. Если размотать событийный ряд назад, прожить этот случай вместе с героями, то можно переосмыслить прошлое и подкорректировать настоящее. Главное – не бояться оглянуться назад, а затем смело пойти вперед.

Кира Феклисова, психолингвист, лайф-коуч.

Дубовый лист

С четырех лет Боря рос без отца. Светлые кудрявые волосы – единственное, что запомнил о нем мальчик. Когда папа заболел, мама часто подводила малыша к изголовью кровати, чтобы тот немного постоял рядом. Боря держался за металлические прутья, а волосы отца касались его детских ладошек. Потом папа умер, а мальчика временно отправили к бабушке с дедушкой. Он, конечно, скучал по маме, но обратно не просился.

Дедушка Иван Николаевич, в прошлом военный, читал лекции курсантам в местном училище. Боря восхищался его манерой одеваться, говорить. Даже запах одеколona у деда был каким-то особенным – Боря специально утром его обнимал крепко-крепко, чтобы потом весь день пахнуть как он – еловой смолой и немного дымом. Мальчик знал, что когда вырастет, будет точно так же наливать в ладошки одеколон и хлопать ими по гладким щекам. А еще ему нравилось, как дед взбивал мыльную пену для бритья, заправлял рубашку и затягивал ее широким армейским ремешком. Боря мечтал, что выучит все эти ритуалы, и, конечно же, окончит училище и, как дедушка, станет военным.

За все детство Борю ни разу не наказывали, что уж, даже голоса дед на него не повысил. Мальчик всегда чувствовал, когда стоит остановиться, по строгому взгляду, по наклону

головы. Он любил деда без памяти и старался его никогда не огорчать. С бабушкой в этом они были солидарны.

– Да, Иванушка, – соглашалась она во всем с дедом. Соглашалась, делала по своему, но никогда не спорила.

Лето они проводили на даче. Дощатый домик с огородом на шести сотках располагался совсем недалеко от города, но это был совершенно другой мир. Каждое утро Боря просыпался от пения соседского петуха и шел ловить рыбу на пруд. Потом солил и развешивал вялиться на чердаке пойманных карасей, и спускался завтракать. Бабушка жарила обыкновенную яичницу и очень смешно ела ее вприкуску с зеленым луком. Сначала она наматывала перо на палец, снимала получившиеся кольцо, солила и отправляла его в рот вместе с яйцом и хлебом. От бабушки всегда летом пахло немножко луком. Боря лук не любил, но с удовольствием уплетал яичницу с жареными гренками и убегал на улицу.

В сарае он облачался в индейца – в ход шли негодные для носки бабушкины юбки. Крышка от старой стиральной машины приспособлялась как щит, а в волосы крепилось гусиное перо, раздобытое в соседском курятнике. В таком виде Боря с друзьями носился по дачному кооперативу, завывая, улюлюкая и отправляя в воздух невидимые стрелы.

В жару дедушка поливал внука из лейки водой, нагревшейся от солнца, а вечером отмывал его черные пятки мылом и щеткой. Перед сном Иван Николаевич рассказывал Боре о маршалах и военных походах, о королях и разных стра-

нах. Мальчик засыпал, мечтая, что когда-нибудь обязательно купит дедушке «Жигули» четвертой модели, чтобы они с бабушкой могли увезти в них весь урожай с дачи. Он мечтал сделать ему хороший подарок, но купить автомобиль сейчас в силу возраста не мог.

– Смастерю-ка я для деда шикарную дубовую кровать, подумал Боря за завтраком. За участком растет небольшой молодой дуб, да к тому же ничейный...

На чердаке мальчик нашел ножовку. Вряд ли она предназначалась для того, чтобы пилить деревья, скорее, сучки или доски, но молодой человек был полон решимости. С тех пор каждое утро Боря незаметно уходил за сарай и принимался за дело. В день ему удавалось пропилить не больше сантиметра. На вторую неделю работы он подтолкнул, поднажал, и дерево повалилось ровно между участками.

Еще две недели Боря отпиливал пеньки – ножки для будущей кровати. Когда и эта работа была окончена, домой он возвращался в задумчивости.

– Где бы теперь раздобыть доски? – размышлял мальчик, и вдруг заметил, как из калитки выходят соседские бабка и дед.

– Не к добру, – смекнул он.

На пороге его ждал дедушка.

– Ты зачем дуб спилил?

– Хотел тебе кровать сделать.

– Очень тебе за это благодарен, но будь добр, иди к сосе-

дям и Расскажи им о своих хороших намерениях.

Боре хотелось провалиться. Лучше бы дедушка оттащил его за ухо, все бы стерпел. Чуть не плача, он побрел к соседям, обещая себе, что больше никогда не заставит его за себя краснеть.

Чужие бабка с дедкой сдержанностью не отличались.

– Тудить тебя растудить, шишкин-едришкин! Ишь ты, птица, что натворил! Ты зачем дерево свалил?

– Я думал, оно ничейное, деду кровать хотел смастерить, – оправдывался Боря, еле сдерживая слезы.

– Думал он, грехи мои пузатые. А что мы теперь в огурцы класть будем на засолку, ты подумал? Мы что с дедом полезем на старый дуб? До этих веток-то мы сами доставали!

Сошлись на том, что залезать на дерево будет Боря. Про уговор бабка действительно не забыла и гоняла парня нещадно.

– Сколько же она огурцов солит? Вздыхал Боря, слезая с высокого дуба, но обещание свое выполнял, сам виноват, что поделать.

Диплом на выпускном в военном училище Борису вручал дедушка. Иван Николаевич гордо смотрел на внука, на его уверенную походку, подтянутую фигуру и открытое радостное лицо. К нему шел уже не тот мальчишка, кто из пеньков мастерил кровать, к нему шел молодой военный, в котором было очень сложно угадать того сорванца.

– Что ж, теперь я с чистой совестью могу уйти на пенсию, –

сказал Иван Николаевич и обнял внука.

Бусы чешского стекла

Они рассыпались фонтаном искрящихся брызг, разбрасывали разноцветные искры по стенам, завораживали таинственным блеском. Наташе казалось, что прекраснее их не было ничего на всем белом свете. По сравнению с этим сиянием меркли все сокровища, что прятали в секретники во дворе, а Иркино колечко, предмет зависти всех подружек, выглядело простой стекляшкой. Да что там, даже калейдоскоп по сравнению с переливающимися бусинами казался скучным, а узоры в нем – тусклыми и блеклыми. Мерцание их отражалось в восхищенных Наташиных глазах – она могла смотреть на эти бриллиантовые искры часами, как зачарованная.

Бусы чешского стекла когда-то привез дедушка из дальней командировки бабушке в подарок. «Нездешняя вещь», – говорили о них. От этого в Наташином воображении бусы становились еще прекрасней, еще таинственней – как сокровище, добытое вольным флибустьером где-то на дальних берегах. Дедушка пиратом вовсе не был, а был музыкантом, играл на скрипке и ездил на гастроли с оркестром. Он умер еще до рождения внучки, поэтому Наташа дедушку видела только на фото – совсем еще молодой парень, озорной взгляд из-под лихо заломленной кепки. Ей казалось, что дедушка был очень похож на бабушку в молодости – их юные сним-

ки в старом медальоне были как зеркальные отражения друг друга. У бабушки разве что лицо было понежнее, по-девичьи округлое.

Иногда, когда никого не было дома, Наташа тайком доставала бусы из шкатулки в шкафу. Трогать их строго-настрого запрещено, но если просто открыть шкатулку и смотреть – это же не считается? Открывала – и сразу накатывало ощущение праздника, будто Новый год наступит вот-вот, уже послезавтра, и мама наденет свое самое красивое платье, и придут гости, и можно будет не ложиться спать хоть до самой поздней ночи.

Наташа любила это чувство – предвкушение праздника, когда новогодний дух будто витал в воздухе. С антресолей доставали запылившуюся елку. Собрать ее выпадало детям, на это их священное право никто не мог посягать. Из коробки доставали игрушки тончайшего стекла, бережно обернутые в вату – вы помните их? Шишки, подернутые изморозью, полупрозрачные сосульки – внутрь можно было положить дождик, чтоб блеску было еще больше, шарики, сделанные будто из чистого волшебства.

В доме стоял тонкий аромат яблок – их покупали «на праздник», детям под страхом самых ужасных наказаний запрещали их таскать, но кто же слушался этих запретов! Мама прятала коробку, но неизбалованные лакомствами дети ее все равно находили – по запаху.

На праздник Наташа любила забираться под стол, сидеть

там и слушать взрослые разговоры. А когда все шли танцевать, она перебиралась под елку. Мамины глаза сияли, будто драгоценные бусины, пахло сгоревшими бенгальскими огнями и мандаринами, и это все было счастьем.

Потом Новый год стал другим. Волшебства становилось все меньше. Мамины глаза уже не сияли, а смотрели устало и даже зло. Настали трудные времена, те самые девяностые, когда денег все время не хватало, за гуманитарной помощью с чечевицей и мукой выстраивались очереди. Отец все чаще стал выпивать. Перед праздниками Наташа чувствовала растущее мамино раздражение как грозу. Новый год нравился ей все меньше. К 20 годам у нее оставалась одна мечта – просто лечь в кровать 31 декабря и проспять ночь напролет, чтоб проснуться, а все уже закончилось.

Ее в этом празднике теперь бесило все: мельтешащие гирлянды, которые появлялись на улицах еще в ноябре, назойливые рождественские мелодии – от них даже наушники не спасали, суета с подарками, бесконечные призывы что-нибудь купить и кого-нибудь осчастливить, фальшивые улыбки телеведущих, в которых искренности было не больше, чем в тухлой селедке.

Однако каждый год Наташа старательно создавала настроение: она еще помнила, как любила Новый год, и хотела, чтоб ее дочка тоже знала, каким волшебным может быть праздник. Наташа наряжала елку, придумывала костюмы и сочиняла квесты для поиска подарков, готовила вкусности

и устраивала сюрпризы. Но все шло наперекосяк. То мужу не понравится, каким тоном она отвечала на поздравления коллеги – мол, слишком уж щебетала, слишком была мила, то свекровь морщила нос – не того размера кубики картошки в оливье. Итог был один: за пару часов до боя курантов Наташа сидела в ванной и горько рыдала. Брала себя в руки, выходила, смеялась, целовала дочку, запускала вместе с ней фейерверк с балкона, потом укладывала ее спать, ложилась сама – на душе не было ничего, кроме усталости и недоумения. Хорошо хоть мама этого не видела: если Наташа заикалась, что хорошо бы позвать маму на праздник, муж кривил губы и замолкал на несколько дней. Нет, он не говорил ни слова против. Он просто ничего не говорил, смотрел сквозь Наташу, будто ее и не существовало вовсе.

А потом... Потом что-то случилось. Наташа уехала в другой город, забрав с собой только дочь. И вдруг ощутила, каково это – быть свободной. Будто сковывавшее ее электрической сеткой напряжение вдруг исчезло. Внутри билась настоящая, теплая и горячая жизнь. И Новый год снова стал другим – в нем снова появилось волшебство. Наташа шагала следом за незаметно появившимся в их с дочкой жизни мужчиной, и улыбалась: он нес на плече елку, которая смешно размахивала лапами в такт шагам.

Дома ждала мама: наконец-то можно было встречать праздник вместе. «Смотри... Ты помнишь?» – мама достала из потертой коробочки те самые бусы. Потускневшие, по-

дернутые патиной десятков прошедших лет, но все такие же прекрасные, рассыпающиеся горстью разноцветных искр. «Надень», – мама помогла Наташе защелкнуть замочек. Наташа посмотрела в зеркало, потрогала бусины кончиками пальцев, и вдруг рассмеялась. Почему – она и сама не смогла бы объяснить. Просто это было счастье. То самое, давно забытое, наивное, детское, самое честное счастье в мире.

Коржик

Ксюша любила животных. Дома жили кошки, но, как это сейчас называется, на самовыгуле – приходили только поест, а в остальное время бегали с соседскими котами и ловили мышей. Не хотели Мурка и Барсик играть с Ксюшей в бумажный бантик на веревочке. В лучшем случае, будили по утрам, просили поест, а как только добивались своего, тут же исчезали в двери. Девочка мечтала о собаке, такой, которая будет слушаться только ее и всецело ей принадлежать.

Она представляла, как дрессирует, выгуливает и кормит лакомствами четвероногого друга. Всех случайно забегающих во двор она встречала, как своих – давала им разные клички, кормила, играла, в надежде, что они не убегут. Но они убегали, потому что где-то у них был свой дом и хозяин. Но Ксюша не отчаивалась, она верила, что найдет своего пса. А ведь только таким хитрым способом и можно было получить собаку – родители не хотели брать щенка, но девочка знала, что они не смогут отказать, стоит ей подобрать несчастного и бездомного зверя.

В декабрьский морозный день Ксюша возвращалась домой из школы. Несмотря на минус двадцать, солнце светило как-то по-летнему тепло и ярко. Она смотрела на падающий с берез иней, кутала лицо в шарф, закрывала крепко-крепко глаза и представляла, что сейчас не зима, а лето, и она идет

купаться. Как вдруг от фантазий ее оторвало громкое тявканье.

Ксюша посмотрела в сторону, откуда доносился лай. Возле магазина она увидела маленькую рыжую с белыми и черными пятнами собачонку. Девочка засмеялась – зверь был забавный, похожий на трехцветную кошку, только комплекция у него была настолько нескладная, что невозможно было не улыбнуться. Коренастое тельце на кривых коротких лапках, разные глаза и писклявый лай составляли чудную картину. Лаяло существо куда-то в пустоту – никого, кто мог бы раздражать собаку, поблизости не было.

– Наверняка ждет хозяина, – подумала Ксюша. И вспомнила, что мама просила купить хлеб. Девочка зашла в магазин и огляделась: за прилавком стоял продавец, и никого из покупателей не было.

– Хм, а чей же тогда пес? – подумала она.

Нащупав в кармане мелочь, Ксюша протянула продавцу.

– Буханку черного и коржик, пожалуйста.

Выйдя из магазина, она отломилла корочку хлеба собаке. Давать из рук она побоялась – несмотря на крошечный рост, вид у пса был недобрым. От хлеба он отказался и стал настойчиво подбираться к карману. Коржик Ксюша рассчитывала съесть сама, но все же бросила кусочек. Пес проглотил его вмиг и радостно завилял хвостом. – Назову тебя Коржиком, – сказала Ксюша, потом наклонилась и осторожно погладила собаку по голове.

– Пока, Коржик, не мерзни! – крикнула она ему, уходя. Через несколько метров Ксюша обернулась – пес шел за ней. Больше девочка не оглядывалась до самого дома, боялась, что собака вернулась к магазину. Каким было ее удивление, когда у двери дома она увидела, как ее догоняет это виляющее хвостом существо!

– Что же с тобой делать? – Ксюша размышляла. Вести домой его она не могла, нужно было сначала спросить разрешение у родителей.

Сиди здесь, Коржик, – строго сказала девочка и указала на коврик возле двери.

Через несколько минут она вынесла ему теплого супа в консервной банке. Коржик пообедал и свернулся клубком у двери – «Ну точно, кошка», – улыбнулась Ксюша. Какие там уроки: каждые пять минут она вскакивала и приоткрывала дверь. Увидев рыжий хвост с белой лампочкой на кончике, закрывала ее и возвращалась домой. Коржик тут, он не ушел.

Вечером вернулись с работы родители. Они, конечно, очень удивились этому страшненькому животному, что встретило их рыком и суровым лаем, но выгонять на улицу не стали, решили подождать до утра. Шутили, мол, не уйдет, так и быть, он сторожевой – пусть дом охраняет... А уйдет, так уйдет.

В последний раз перед сном Ксюша выглянула на лестницу. Она наклонилась к собаке, погладила ее по жесткой шерстке и тихо сказала на ухо: «Не убегай, Коржик». Засы-

пая, девочка представляла, как кончится зима, и они будут бегать купаться и собирать землянику...

На следующее утро Ксюша вскочила раньше будильника. Но не успела она открыть рот, как папа ее опередил: «Ну что, сидит твой крокодилчик, пойду ему будку строить».

Сидеть, Коржик, дай лапу! – Маленький пес слушался свою хозяйку беспрекословно. Но купаться он не любил, да и вообще, как выяснилось, ничто и никого не любил, кроме Ксюши – гонял птиц, котов, бросался на друзей девочки – люто ненавидел вообще все, что двигалось.

Откуда взялся Коржик, никто не знал. Это был уже взрослый пес, и, скорее всего, его выгнали за скверный характер. С возрастом он и вовсе превратился во вредного старикашку. Но Ксюша обожала Коржика со всеми его недостатками, ведь для того, чтобы тебя любили, не обязательно иметь хороший характер.

Дружба их длилась целых двенадцать лет. Умер Коржик, по собачьим меркам, древним старичком. А случилось это точно в такой же солнечный морозный день, какой стоял в их первую встречу. Ксюша знала, что пришло время прощаться с другом. Она подошла к миниатюрной будке и услышала, как Коржик зашевелился в теплом сене. Он изо всех сил попытался выйти к хозяйке, но не мог, лапы уже не слушались.

Ксюша протянула ему небольшой кусочек коржика, и он слизнул его с ладони. Потом она положила его рыжую мордочку в руки и тихо сказала «Спасибо, что не убежал тогда».

Коржик в последний раз преданно посмотрел на Ксюшу и заснул.

Нет мне моря

«Любишь Новый год?» – спросила Вера. Невинный вопрос подействовал на Ваню странно: он вдруг замолчал и уставился в окно – смотрел, и будто ничего не видел. Даже лицо стало жестче, скулы заострились, глаза потемнели.

«Знаешь, нет», – неожиданно сказал он. Вера выдохнула: ей показалось, что она Ваню чем-то обидела, а чем – понять не могла.

«Не люблю Новый год, – продолжил Ваня. – И день рождения свой тоже не праздную. Почему-то так с детства повелось».

Воспоминания в его голове вдруг понеслись темной волной. Вот Ване пять лет. Первый юбилей! Ноябрьский вечер, вместе с сестрой и мамой они сидят на кухне, папы дома нет. Да и хорошо, что нет. Праздники отец не любил, всегда был суров и мрачен. Нежности от него было не дожидаться. «Я на работу хожу, деньги зарабатываю, чего тебе еще надо?» – резко отвечал он на просьбы мамы хоть иногда проявлять внимание к детям.

Торт, свечи, чай. Тепло, хорошо, уютно. Хлопнула дверь – вернулся отец. Ваня внутренне сжался. Да и сестра с мамой испуганно смолкли, улыбки вмиг исчезли с лиц: угадать, в каком настроении придет папа, было невозможно. Может, молча сбросит куртку, поест, да сядет на диван к телевизору.

А может, будет не в духе – это все сразу почувствуют, поймут по звуку, с которым он скидывает ботинки. Неужели не в настроении?..

Так и есть – отец зашел на кухню, будто грозовая туча, казалось, что даже свет от лампы потускнел.

«Празднуете?» – в голосе отца звучала неприкрытая угроза. Ваня с сестрой испуганно смотрели на папу: в чем они провинились, дети не понимали, но к вспышкам отцовской ярости уже привыкли. Причина для скандала и не нужна была. Ведь разве нужен повод для нелюбви? «Я дни рождения не праздную, и вы не будете», – отец одним движением смахнул торт со стола и снова ушел. Хлопнула дверь.

У мамы задрожали губы. Дети даже не плакали: ничего необычного ведь не случилось. Торт только жалко. Нечасто в доме появлялись такие вкусности.

«Идите, поиграйте, я здесь уберу», – шепнула мама. Лицо ее сложилось в привычную горестную гримасу, она вся будто поникла: уголки губ, плечи, глаза – все смотрело вниз. Ваня с сестрой вышли. Играть не хотелось. Уныло повозились с машинками и куклами, пошли спать – сами, без напоминаний и уговоров. Хотелось, чтобы этот тягомотный день поскорее закончился. Вдруг завтра будет лучше?

Завтра было не лучше. Да и вообще никогда не было. Елка? Новый год? Нет, не слышали. Как вообще это происходит? Люди собираются все вместе, веселятся, поздравляют друг друга, дарят подарки? Ване всегда было интересно

– что дарят на день рождения. Он об этом ничего не знал: на праздники к другим детям его сначала не пускали, а потом, привыкнув к вечным отказам, его перестали приглашать. Молчаливый серьезный мальчуган – он никогда не был душой компании или звездой в классе. Учился хорошо, это да. Но заводить друзей научился гораздо позже, когда уже был старшеклассником.

Эти годы – старшие классы – Ваня запомнил, как лучшее время в жизни. Он тогда жил в интернате: когда ему исполнилось 14, ушел из дома. Жить рядом с отцом стало совсем невыносимо. Можно было бы подчиниться, но Ваня подчиниться не сумел – не тот характер. Сломать его не смогли ни угрозы, ни побои, характер у парня оказался жесткий, как бетонный пол в кладовке, где ему приходилось спать в наказание.

Дома у Вани больше не было – зато появились друзья. И Она – Вера. Она была на год старше, работала лаборантом в школьном кабинете информатики. Насмешливо смотрела из-за монитора на мальчишек, которые на нее откровенно глазели. Но Ване казалось, что на него Вера глядела по-другому – как-то серьезно, что ли. Во всяком случае, его она никогда не подкалывала, как остальных.

...Второй раз они встретились спустя 20 лет. Ваня был одинок, если не считать любимого кота. Домашнего тепла ему отчаянно не хватало. Но пару раз обжегся, и... Вера задумчиво смотрела на него – он и сам не заметил, как рас-

сказал ей все, о чем вспомнил. «Я тогда мечтал о тебе», – собрался с духом, сказал, будто в холодную воду прыгнул. Вера мягко улыбнулась. На следующий день ей нужно было улетать – она давно жила на другом конце страны, и чудо, что они вообще встретились спустя столько лет.

«Проводишь меня?» «Конечно».

Ее поцелуй на прощание был сладким, как октябрь, терпким, как первая черемуха. Теперь они не увидятся еще долго.

Звякнул телефон: «Ваня, а если я попрошу, сможешь встретиться с одним человеком, и кое-что у него забрать?» «Конечно. А что потом? Куда-то отвезти?» «Нет, положи в дальний угол. Открой 16 ноября», – и смайлик-улыбка.

Бумажный пакет из оберточной бумаги пах ее духами – сладко, как октябрь... Внутри была обычная белая футболка – оказывается, она запомнила, что ему нравятся именно белые. Ваня улыбнулся: «Вера, милая Вера». Достал записку: «Люди дарят друг другу милые глупости». Развернул футболку, увидел надпись на груди: «Кроме любви твоей, мне нету моря» – строчка из Маяковского. Перехватило дыхание, по лицу расплылась счастливая улыбка. «Кроме любви твоей», – тихо повторил Ваня. А где-то далеко внизу, за окном его комнаты, мерно дышало невидимое в темноте море.

Таката

«Така takata kata kata kata, Така takata kata kata kata...»
На магнитофоне в поселковом Доме культуры заиграл Джо Дассен. Девочки разного возраста, роста и комплекции пустились в пляс. Рита очень старалась не забыть движения, ведь она так хотела, чтобы ее взяли в танец. Выступать на сцене во время главного новогоднего концерта, смотреть который придет весь поселок – было мечтой любого подростка, кто пел, танцевал или играл на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Рита много раз представляла, как она выглядывает из-за кулис в темный зал, а там – веселые и с мишурой зрители. В первых рядах обязательно в этих фантазиях сидели родители и очень ею гордились. А еще из самого центра зала на нее смотрел мальчик из параллельного класса, что так нравился Рите. «Тогда он наконец-то меня заметит, – думала она».

Худенькая длинноногая Рита выводила каждое движение, кружилась, старалась. Временами, она сбивалась, но снова возвращалась в строй, притопывала, прихлопывала, и даже немного подпевала Джо Дассену. Ей казалось, что танцует она великолепно, и даже не просто танцует, а парит в воздухе.

– Маша, Оля, Ира, Таня, Света, Ксюша... – учитель танцев, молодая девушка, только недавно окончившая кулек –

училище культуры и искусств, приглашала к себе девочек, чьи имена называла. Для танца нужны были восемь человек. Рита считала про себя и провожала взглядом радостных подружек: «Первая, вторая, третья...». На седьмом имени слезы уже подкатывались к щекам, а губы начинали трястись от обиды – Риту до сих пор не называли. На восьмом имени – Ева – девочка расплакалась и отошла. Рита сделала вид, что зашнуровывает кеды, села на лавку и наклонила голову, чтобы никто не увидел слез.

– С вами мы будем репетировать танец, – обратилась преподавательница к отобранным девочкам. А вас я также попрошу разучивать движения и связки, – сказала она оставшимся. – На случай, если перед концертом нам понадобится замена, и мы сможем поставить в танец кого-то из вас.

Остаться в запасных было унижительным. Рите нравились танцы, и она не понимала, чем хуже остальных девчонок? Ей казалось, что танцует она неплохо, по крайней мере, не хуже остальных, разве только запоминание связок ей давалось тяжело, но она очень старалась! От обиды и несправедливости Рита не могла пошевелиться.

– Ты будешь продолжать репетировать? – к ней подошла девочка из тех, кого тоже не взяли.

– Нет, не буду. Мне вообще этот танец не нравится, – ответила Рита.

Она соврала. Рита продолжала терпеливо ходить на занятия и даже попросила папу записать эту мелодию на кассету.

Придя домой после занятий, Рита разучивала связки. В душе она надеялась, что в последний момент кто-то из девочек откажется выступать, а тут она и знает все движения. Дома она включала магнитофон и танцевала по очереди за всех девочек, через неделю Рита уже могла заменить любую.

На концерт Рита пошла с родителями. Как назло, замена не понадобилась. Все они нарядные и веселые выглядели по очереди из-за кулис, наслаждаясь тем, с какой быстротой заполняется зал. Рита злилась, обижалась, но виду не показывала. Она смотрела концерт. Така takata kata kata kata... И зрители заплодировали выбежавшим на сцену девчонкам. На них были коротенькие пышные юбки и топики, сшитые специально для концерта, лакированные туфельки и яркие банты, вплетенные в косички. Выглядели они чудесно, и от этого Рите было еще больнее.

После концерта Рита еще какое-то время продолжала ходить на танцы и даже выступала на сцене под незамысловатые композиции, выполняя несложные движения. Но все равно это было счастьем! Сбылась ее мечта – она стояла в белом платье снежинки, дрожала за кулисами то ли от холода – зимой в неотапливаемом доме культуры было не многим теплее, чем на улице, то ли от волнения. И смотрела в зал, где сидели родители, и тот самый мальчик. Она была по другую сторону сцены, она – звезда.

Потом преподавательница вышла замуж и переехала в соседний городок. Ее любимчики еще долго бегали в ДК, что-

бы с ней встретиться в выходные. Один раз бегала и Рита. Наверное, просто за компанию. В число любимчиков она явно не входила, да и вообще особых сожалений по поводу ее отъезда не испытывала – девочка уже давно переключилась на спорт – играть в баскетбол и настольный теннис у нее получалось гораздо лучше, а с танцами было покончено.

«Така takata kata kata kata, Така takata kata kata kata...» По телу пробежали неприятные мурашки. Рита выключила радио в машине. Вспомнился ей холодный прокуренный сельский дом культуры, Рита улыбнулась, ведь она ехала как раз на танцы... Зумбу, конечно, сложно назвать танцем, скорее тот же фитнес, которым занималась Рита, только под латиноамериканскую популярную музыку, веселые хаотичные прыгушки.

Рита быстро натянула спортивную форму и кроссовки, и вбежала в зал, когда занятие уже началось. Энрике Иглесиас пел «Bailando», а преподаватель Дима весело махнул рукой опоздавшей девушке. Рита тут же начала танцевать – ей не нужно было показывать, на что она способна, чтобы ее выбрали, не нужно было кому-то доказывать, что она хорошо танцует, здесь умения были вообще чем-то второстепенным. Можно было наконец-то быть собой и просто танцевать.

На морковку

Валюшка с тоской смотрела в окно. По ту сторону замызанного стекла было голубое небо, медленно плыли облака, поворачиваясь к солнцу румяными пушистыми боками, шелестели пока еще зеленые деревья. А по эту сторону учительница литературы нудно вещала о конфликте в романе Достоевского «Преступление и наказание».

«Почему люди в книжках такие скучные? – думала Валюшка. – Нет, у Конан Дойля, допустим, не скучные. А у нас на уроках только тоска, мрак, отчаяние, боль».

Учительницу Валюшка не слушала. Она и так знала, что та может спросить, и как надо ответить, чтоб строгая седая русячка пришла в восторг. «Как автор раскрывает главного героя? – задала учительница любимый вопрос, и обвела взглядом притихший класс. Отвечать Генриетте Дмитриевне было все равно, что идти над пропастью по тонкому канату без страховки. – Касьянова!»

Валюшка вздохнула. «Через страдание, – ответила она. – Внутреннюю боль и душевные терзания».

«Странные они люди, – думала Валюшка о книжных героях. – Будто радоваться – это стыдно, и обязательно нужно страдать». Угрюмые персонажи портили ей настроение, книги, пронизанные тоской, не приносили никакого удовольствия. Хотя читать Валя любила.

«Лучше бы на морковку опять послали, — думала Валя. — Там хоть над ухом никто не нудит». Школьников иногда в начале сентября отправляли помогать убирать урожай на полях местного колхоза. Причем чаще всего доставались именно морковные ряды, хотя обычно бесплатную рабочую силу гоняли на картошку.

Валюшку будто слышало великое морковное божество. На следующее утро объявили: все марш обратно по домам, переодеваемся в рабочую одежду, возвращаемся в школу и едем в поле, собирать морковку. С собой иметь бутерброд и ведро.

Класс дружно зароптал: мол, неохота ехать в поле и весь день ковыряться в земле. Но больше для вида. Такие выезды всем на самом деле нравились. Сейчас это называют модным словом «тимбилдинг», а тогда это были поездки на раздолбанном «пазике», который по проселочным ухабам не катился, а будто скакал. Почти американские горки: когда автобус подпрыгивал на очередной яме, сердце ухало вниз и замирало — было весело.

В поле все разбредались по взрыхленным рядкам, из которых и надо было вытаскивать морковку. С травы сходила утренняя изморозь, терпко пахло последними осенними цветами. Земля, остывшая за ночь, медленно нагревалась, становилось все теплее, лениво порхали рыжие бабочки — красота, да и только.

Валюшке в этот раз в пару досталась Мила, первая краса-

вица в классе. Она даже на морковку ездила при полном параде: светлые спортивные брючки, которые идеально сидели на ее ладной фигурке, подчеркивая тонкую талию, распущенные длинные темные волосы блестели на солнце. Ресницы слегка подкрашены, на кукольных губках – светло-розовая помада. Мила, в отличие от остальных, никогда не забывала взять с собой перчатки – не дай бог, маникюр пострадает. И что самое удивительное, уезжала с поля, умудрившись не посадить ни единого пятнышка на одежду, не растрепав ни волоска, и даже сухая трава будто стеснялась липнуть к подошвам ее кроссовок.

Мила о своей красоте прекрасно знала и несла ее гордо, как величайшее сокровище. Она уже давно решила, что именно внешность поможет проложить ей дорогу в будущее. «Я буду моделью», – на полном серьезе заявляла она. В десятом-то классе! Обычно к этому возрасту девчонки уже перестают мечтать о карьере звезды, но только не Мила. Одноклассницы ее, конечно, подкалывали: мол, а не пухловата ли ты для модели. Мила в ответ оскорбленно вскидывалась: «У меня талия 59 сантиметров!» Защищать свою красоту она была готова любой ценой.

Они с Вале́й были настолько разные, насколько только можно. Общее было только одно: им нравился один и тот же парень. «Не знаю, что я в нем нашла, – пожимала плечами Мила. – Вряд ли из него получится серьезный мужчина». Серьезным его и правда, назвать было сложно. В глазах Сергея

все время будто плясали огоньки, а под его насмешливым взглядом иногда терялись даже учителя.

Мила не сомневалась: Сережа к ней тоже равнодушен. Как можно быть к ней равнодушным? «Я же вижу, как он на меня смотрит, – Мила аккуратно, точным движением поправляла волосы. – Так что это вопрос времени, когда он мне встретаться предложит».

Рядом возник Сережа: «Девчонки, как дела? Ведро помочь отнести?» Мила гордо посмотрела на Валюшку: мол, видишь, я же говорила! «Конечно, еще спрашиваешь», – ответила она. «Спасибо, Сереж», – с благодарностью сказала Валя. Через минуту Сергей вернулся с уже пустыми ведрами.

«В принцев верите?» – спросил он. «Ну ты как маленький», – поджала губы Мила. Валюшка поняла: что-то будет. Огоньки в глазах Сергея, того и гляди, наружу выпрыгнут. «Мил, ты будто сказок не читала, – не унимался Сергей. – Царевну-лягушку помнишь? Смотри!» В руках у него и правда сидела лягушка. Ярко-зеленая, изящная, будто выточенная из сияющего камня.

«Гадость какая», – взвизгнула Мила, отпрыгнула в сторону, вдруг моментально растеряв свой модельный лоск. «Ой! Симпатичная. А почему она не убегает?» – Валя в лягушках ничего гадкого не видела. «Потому что она умнее, чем некоторые люди», – Сережин голос раздался у Вали прямо над ухом. Она вздрогнула, подняла голову: Сергей смотрел

на нее сверху вниз, улыбался, а в глазах его странным образом отражалось небо.

Домой они ехали вместе. Над полем все так же плыли облака, автобус все так же подпрыгивал на ухабах, но что-то неуловимо изменилось. «Любишь морковку?» – спросила Валя. «Очень, – серьезно ответил Сергей. – Очень люблю».

Велосипед

Новенький черный «Урал» блестел на солнце. Коля мастерил брызговики из резиновой камеры и любовался на нового друга. Ему казалось, что прекраснее велосипеда нет на свете, хотя в магазине он вообще был единственным «взросликом». Тогда, в 86 году Коля получил сказочный подарок на 13-летие, а отец оставил в спорттоварах 66 рублей с копейками, половину зарплаты.

Первое время Коля робел перед большим велосипедом со взрослой рамой и ездил под ней. Потом научился перекидывать левую ногу через сиденье, опираясь правой на педаль. Тормозить и прыгивать на ходу мальчику сначала было тоже страшно – не хватало роста, чтобы достать до земли. В качестве опоры для остановки он приловчился использовать деревянную лавку. На то, чтобы подружиться с велосипедом, у него ушла неделя. И вот с раннего утра Коля выводит своего коня из сарая и объезжает соседние дворы. Само собой, не обходилось без травм. Николай до сих пор содрогается, вспоминая, как на ямках он соскакивал с кожаного сиденья, повисая на стальной раме ясное дело чем. А вот этот шрам на ноге – кто-то с силой дернул за багажник, и Коля пролетел через руль на асфальт, а этот – переднее колесо перескочило через бордюр, а заднее – нет, велосипед сложило и Колю вместе с ним. Но все эти несчастья были частью большого

приключения и внимания на них юноша не обращал.

Новенькая кожаная седушка приятно поскрипывала, а никелированные пружины отзеркаливали солнечных зайчиков. Высшим наслаждением было потренировать в звонок, проезжая мимо окон приятеля, и увидеть, как тот, заканчивая завтрак, машет ему с завистливой улыбкой. Из всех мальчишек во дворе, такой роскошью обладал только Коля, и испытывал по этому поводу невероятную гордость. А сколько трюков можно было изобразить перед девчонками. Ехать, не держась руками за руль, рулить ногами, сидя на багажнике... Высшим пилотажем считалось вскочить на скорости на раму и ехать стоя!

Коля не был жадным мальчишкой, он с удовольствием катал приятелей на раме и багажнике, а за жвачку или почтовую марку так и вовсе мог расщедриться на круг по двору. «Урал» мальчишки затюнинговали по последней моде – белыми, оранжевыми и красными катафотами, спицы обмотали разноцветной проволокой, а на руле красовался кусок гофры непонятного происхождения.

Три прекрасных летних месяца пролетели как один день. Колю не интересовала рыбалка и купание в реке, с утра до вечера он не слезал с велосипеда. Бряканье ключей в сумке за сиденьем было для него лучшей музыкой, а запах мазута на руках от велосипедной цепи – самым приятным на свете ароматом. Коля забывал поесть, забывал про мультики, Коля был счастлив.

Но вместе с осенью в жизни мальчика появились заботы. Школа, продленка, а еще у Коли заболел дедушка. Каждый вечер они с мамой садились на велосипеды и ехали навещать его на другой край поселка. Старое здание больницы было двухэтажным, с деревянной лестницей. Велосипеды они парковали за ней. Каждый раз, расставаясь со своим конем, Коля переживал, но, казалось, напрасно.

Поездки продолжались неделю. Дедушка пошел на поправку, и этот их с мамой визит был последним. Коля весело спускался по лестнице – он был рад, что дедушка наконец-то вернется домой. Внизу он машинально свернул за угол, протянул руку, да так и замер – старенький мамин «Аист» был на месте, а его «Урала» не было!

«Украли!», – Коля с ревом бросился на улицу. В надежде увидеть злоумышленника, он покрутил головой по сторонам, но в этот поздний час не промелькнуло ни одной тени, да и фонарей на весь поселок было штуки три, кого тут разглядишь. Мама пыталась успокоить расстроенного сына, но это было бесполезно. Пообещать купить ему новый велосипед она не могла – на этот они с папой копили целый год. По дороге домой Коля всхлипывал, сидя у мамы на багажнике. Ехали они медленно, и на половине пути Коля неожиданно спрыгнул и побежал.

«Стой, гад, уууууубью!», – мальчишка с ревом бросился на мужчину, схватив его за рукав. Когда мама подъехала, радостный всхлипывающий Коля уже сидел на своем вело-

сипеде, а вора простыл и след. Как мальчик в темноте узнал свой велосипед и смог испугать взрослого сильного мужчину, для мамы было загадкой. Коля до окончания школы был неразлучен со своим «Уралом». Он, кстати, до сих пор стоит в сарае родительского дома.

– Николаич, совет нужен, – молодой высоченный парень вытер мазутные руки об грязную тряпицу и отшвырнул ее в сторону, после чего направился из гаража, позвякивая гаечными ключами в кармане брюк.

– Приветствую, Валера! Спрашивай.

– Да клиент жалуется, что подогрев зеркал на машине не работает, а мы одно разобрали и даже проводов не нашли...

– А, это тот четырехлетний «Хёндай»? Так в его комплектации подогрев в принципе не предусмотрен, удивительно, что за столько лет его хозяин только сейчас это заметил... Я позвоню ему сам, не переживай. А как с тем «Ниссаном», разобрались?

– Да, Николаич, починили, дело было в масляном насосе.

– Ну, хорошо, вы с Лёхой толковые парни.

Николай Николаевич посмотрел в след Валере – все-таки хороших механиков он нанял в свой автосервис.

Черный новенький «БМВ» замигал фарами. Николай улыбался, словно тот мальчишка, любясь на блестящий новенький «Урал» на берегу сельской речки. Каждый раз, открывая дверь своего автомобиля, он вновь и вновь возвращался в памяти в то летнее утро, когда он рассекал по

окрестным дворам и наслаждался скрипом нового сиденья.

Две девочки из электрички

Кристина забралась в вагон, шумно отдуваясь, огляделась по сторонам в поисках свободного места. Стоять не хотелось, ноги и так стонали – тяжело им было весь день носить грузное тело. Ей повезло: Кристина плюхнулась на кресло у окна, тут же влезла в необъятную сумку, достала пакет с чипсами, разорвала привычным движением и захрустела, разбрасывая крошки. Не сказать, что Кристина так уж любила эту псевдо картошку. Скорее, это был ритуал. Она и сама понять не могла, что заставляет ее каждый раз перед тем, как сесть в электричку, покупать очередной пакет. Никакого удовольствия чипсы ей не приносили. К тому же после них жутко хотелось пить, вся куртка была покрыта крошками, а от пальцев исходил навязчивый химический запах. Но Кристина раз за разом делала это: покупала, открывала, съедала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.